Забияко А.А.

Зиненко Я.В.

¹ Забияко А.А., ² Зиненко Я.В.

¹ Амурский государственный университет
675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21
sciencia@yandex.ru

² Амурский государственный университет
675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21
yasya11111@mail.ru

Архивы эмигрантской публицистики. Жизнь русской православной общины на приграничных территориях Приамурья в 20–40-е гг. XX в. (по материалам эмигрантской публицистики)

Аннотация. Публикация включает в свой состав результаты исследования и подборку архивных материалов, посвящённых жизни православной общины русских эмигрантов в Сахалине (современном Хэйхэ) в 20–40-е гг. прошлого века. Публицистика харбинских писателей и журналистов фиксирует этапы формирования русской диаспоры на территории приграничного маньчжурского городка, позволяет соотнести жизнь русской православной общины в Сахалине с событиями антирелигиозной политики в советской России, с социокультурными, этнокультурными и этнорелигиозными процессами в Северной Маньчжурии. Источниками публикации стали издания разной ориентации – ежедневные новостные («Заря»), популярные литературно-художественные («Рубеж»), политически ангажированные («Наш путь», «Луч Азии»). Данные статьи показывают, что эмигрантское сообщество действительно волновала судьба русского населения Сахалина, живущего в тесных межэтнических контактах с местным маньчжурским населением и подверженного ассимиляции. Православная жизнь в Сахалине была залогом сохранения русскости для беженцев, отрезанных от родной земли, оторванных от русской жизни в Харбине. Осознание данных проблем побуждает некоторых авторов публикуемых материалов обратиться к исторической и художественной реконструкции традиций праздничной религиозной культуры и народного православия на российском Дальнем Востоке. В организации православной жизни и образования на приграничных территориях важную роль играла Харбинская Епархия. Православные священники всемерно поддерживали своих сахалинских прихожан и способствовали сохранению эмигрантским сообществом русских духовных традиций.

Ключевые слова: православная община, эмиграция, приграничные территории, Сахалин, Благовещенск, антирелигиозная политика в СССР, этнорелигиозные процессы, Харбинская епархия

¹ Anna A. Zabiako, ² Yana V. Zinenko

¹ Amur State University
21 Ignatievskoe shosse, Blagoveschensk, Amur region, Russia, 675027
sciencia@yandex.ru

² Amur State University
21 Ignatievskoe shosse, Blagoveschensk, Amur region, Russia, 675027
yasya11111@mail.ru

Sakhalyan-Blagoveshchensk: Life of the Russian Orthodox Community in the Border Territories in the 1920s and 1940s (Based on the Materials of Emigration Journalism)

Abstract. The publication presents a collection of archival materials about the life of the Orthodox community of Russian emigrants in Sakhalyan (today's Heihe) in the 1920s and 1940s. The publications of Harbin correspondents record the stages of the formation of the Russian enclave on the territory of the Manchu border town, allow us to correlate Russian life in Sakhalyan with the events of anti-religious policy in Soviet

Blagoveshchensk, with socio-cultural, ethnocultural and ethno-religious processes in the life of the Russian emigration in the whole of Northern Manchuria. The sources of the collection were publications of a very different orientation – daily news (“Zarya”), popular literary and artistic journals (“Rubezh”), politically engaged papers (“Our Way”, “Ray of Asia”). The interest in the life of the Orthodox community in Sakhalyan, recorded in the refugee press of those years, testifies not only to the political significance of the border territories in the understanding of well-known emigre circles and the Japanese administration. The emigrant community was really worried about the fate of their fellows living among the Manchu population and forced to adapt to a foreign culture and close interethnic contacts with the local population. The need to preserve spiritual supports prompts some authors to turn to artistic reconstruction of the traditions of festive religious culture and folk Orthodoxy in the Russian Far East. Orthodox life in Sakhalyan was for Russian refugees in Harbin cut off from their native land, cut off from Russian life a guarantee of preserving their “Russianness”. The publications record the role of the Harbin Diocese in organizing Orthodox life and education in the border areas, reflecting the role of priests who, in the difficult years of refugee, became real spiritual pastors for their wards.

Key words: Orthodox community, emigration, border areas, Sakhalyan, Blagoveshchensk, anti-religious policy in the USSR, ethno-religious processes, the Harbin diocese

Сахалином по-маньчжурски до конца 70-х гг. прошлого века назывался приграничный город Хэйхэ (黑河), расположенный на правом берегу Амура (по кит. *Хэйлунцзян* – Чёрный дракон), напротив российского Благовещенска. До 1907 г. это была маньчжурская деревушка в несколько фанз. После приезда предприимчивого коммерсанта Ван Чжесена, мгновенно оценившего выгоды от близости с бурно развивающимся Благовещенском, в Сахалине по указу айгунского управителя (дао-тая) началось строительство игорных и «весёлых» домов, открылся один театр, затем второй. Постепенно город становится важным транспортным узлом, благодаря которому китайцы переправляются в Россию на заработки (в те годы в основном на золотonosные прииски). В Сахалине действуют не только китайские, но и иностранные (французские, немецкие, российские) фирмы. Русские предприниматели открывают здесь магазины Чурина, Кунста и Альберса, сельскохозяйственных машин С. Жигалова и «Товарооборот» [Хисамутдинов, 2002, 240].

Благовещенские туристы посещают Сахалин летом на прогулочных лодках. Зимой жители приамурского города с любопытством узнают из местной прессы о религиозной жизни населения маньчжурского городка: «У ворот дома джи-фу толпа народу. Впереди избранные – сам джи-фу Ван, представитель провинциального управления Дян Сын Эн, помощник командира сахалинского гарнизона Дай Хай Сан, представители от торговых фирм, содержателей гостиниц, парикмахерских, театра, “весёлых” домов, мясников, портных, слесарей и т.д. По знаку джи-фу вся толпа чиновников размеренным шагом направляется на восток – за город, по направлению к Малому Сахалину. Впереди горнисты и трубачи играют патриотические марши. За ними несколько человек несут столы, стулья и корову, искусно сделанную из бумажной массы. Подойдя к Малому Сахалину, процессия останавливается. Джи-фу подзывает верхового и приказывает ему скакать на восток и посмотреть, где Весна. Верховой мчится на восток и через полчаса возвращается: – Весна уже в деревне Эргунбе! Радостные крики толпы покрывают слова разведчика. Джи-фу снова посылает его на восток. Через четверть часа он возвращается и докладывает:

– Весна подходит к Малому Сахалину!

Радостный гул голосов. В третий раз посылает джи-фу верхового. Проходит две-три минуты.

– Пришла, пришла, – громко крича, возвращается разведчик. Толпа, как один человек, падает на колени и бьёт земной поклон в честь богини Весны. Потом с музыкой все возвращаются в город. На смуглых лицах улыбки. На завтра церемония продолжится. Солнце ещё не вышло, а у ворот дома джи-фу толпа. Он выходит и вместе со всеми стоит в полном молчании. Вот брызнул первый луч восходящего солнца. В тот же миг джи-фу ударяет плёткой вчерашнюю бумажную корову, говоря: “Пусть небесная благодать снизойдёт на пробуждающуюся землю. Да будет благоденствие в небесной империи, да не будет бунтов и войн. Да будет небо давать дождь и урожай, да не будет голода”. После этого корову поджигают факелом. Это жертвоприношение в честь Весны. Войска салютуют. Все поздравляют друг друга» [Голос, 1907].

После Синьхайской революции 1911–13 гг. Сахалин становится резиденцией дао-тая и торгово-административным центром всего северного округа

Хэйлунцзянской провинции. Через него проходит тракт на Мерген и новые китайско-маньчжурские города по Амуру.

В 1915–1916 гг. в округе Сахалина работает со своей экспедицией востоковед, этнограф, антрополог С.М. Широкогоров. Исследователь прибывает туда с супругой, Елизаветой Николаевной, также участницей Маньчжурской экспедиции, и двумя проводниками, «в функции которых входило ведение хозяйства и обеспечение безопасности, объясняя этот шаг тем, что “здешние народы, особенно китайцы и монголы (а вероятно и маньчжуры) весьма склонны к шантажу и, если нет своих людей, то можно оказаться в весьма тяжёлом положении”» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 [до 1918]. Д. 68. Л. 11 (Цит. по: Сирина, 2018, 64–85)].

Поселившись на китайской стороне, исследователи, тем не менее, свободно курсируют по научным делам между Благовещенском и Сахалином на выделенной им лодочке – для этой цели у них есть специальные бумаги от сахалинского даотая и губернатора Амурской области. Сложные внутривосточные и национальные проблемы, возникшие в Китае после свержения маньчжурской династии, затрудняют полевые исследования Маньчжурской экспедиции среди маньчжуров, осложняют занятия языком и исследование шаманства. В полевом дневнике С.М. Широкогоров фиксирует: «После установления республики и особенно усиления Юаншикая, начались преследования маньчжур. В настоящее время открытие маньчжурских школ, обучение детей маньч[журской] грамоте, многие обычаи, а также все шаманские обряды преследуются и виновные в этих грехах наказываются тюрьмой. Национальная политика!! Вследствие этого маньчжурская жизнь спряталась в подполье, и проникнуть в это подполье возможно только лишь после того, как маньчжуры вполне убедятся в искренности и порядочности человека. У меня отношения с ними уже налаживаются» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 [до 1918]. Д. 68. Л. 11 (Цит. по: Сирина, 2018, 64–85)]. С.М. Широкогорову с большим трудом удалось рассеять подозрения дао-тая по поводу своих исключительно научных намерений: «Они относятся очень недоверчиво к русским и маньчжурам, и только самое обстоятельное разъяснение его враждебное первоначально отношение сделало благожелательным. Это необходимо здесь, так как они могут чинить много препятствий» [СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 [до 1918]. Д. 68. Л. 11 (Цит. по: Сирина, 2018, 64–85)].

В 1915–1917 гг., отмечает С.М. Широкогоров, помимо французов, англичан, датчан, японцев, в Сахалине проживала небольшая русская колония. Семья Широкогоровых, в основном, общались с российским консулом. Революционный 1917 год изменил не только планы исследователей, вынужденных вернуться в Санкт-Петербург, – изменилась социально-политическая и этнокультурная карта приграничного региона.

После 1917 г. в Сахалине появляются первые русские беженцы, которых с каждым новым этапом социально-политических потрясений (Гражданская война, красный террор) в России и на Дальнем Востоке становится всё больше и больше. Журнал «Записки любителя» публикует в 1918 г. частушку, отражающей в лапидарной форме всю сложность социально-политических и этнокультурных процессов в амурском приграничье тех лет, когда благовещенцам самых разных политических убеждений приходится искать убежища и пристанища на маньчжурской стороне:

*От «совдепа» я бежал,
К «ходам» перебрался,
Долго милой не видал,
С китайкой связался*

[История Благовещенска, 2009, 371].

Массовый исход амурчан из приграничных посёлков начинается после коллективизации 1929 г. В январе 1930 г. 26 районов Дальневосточного края были объявлены районами сплошной коллективизации. За отказ вступать в колхоз крестьянам угрожают раскулачиванием, лишением избирательных прав, выселением, отказом выдачи дефицитных товаров и т.д. Близость границы с Китаем усиливает тревогу местных властей, т.к. приграничные районы заселены в основном зажиточными крестьянами и бывшими казаками, которые особенно активно выступают против

сплошной коллективизации и советской власти [Коваленко, http://geoamur.pf/sources/nat_econ/agriculture/agriculture-x=23.php].

Путь русских беглецов на китайскую сторону был крайне опасен – кто-то ночью переплывал Амур в укромных местах, ведомых лишь контрабандистам, торгующим ханшином (китайской водкой), кто-то погибал в тёмных водах р. Хэйлунцзян, кто-то перебирался зимой по застывшему в лёд остоу Чёрного Дракона. В первых трёх публикациях, представленных в подборке, рассказывается о том, как всё это происходило. Удачливые перебежчики двигались дальше на восток, добирались до центра русской эмиграции – Харбина, искали удачи в других городах Поднебесной. Немногие беженцы оставались в Сахалине и его пригородах. Это были, в основном, женщины, потерявшие мужей или девушки, спасающиеся от царящих на советской территории после войны произвола и насилия. Большая часть из них выходила замуж за местных маньчжуров и оседала, постепенно ассимилируя в инокультурной среде. Для маньчжуров, оказавшихся после Синьхайской революции в положении репрессируемого этноса, брачные союзы с русскими жёнами были весьма привлекательны.

Впоследствии потомки русско-китайских и русско-маньчжурских браков на этих территориях сформировали русский анклав – часть русской народности Китая (официально записана как 中国俄罗斯族 Zhongguoeluosizu – «русская национальность Китая») [Забияко, Забияко, 2017]. В отличие от представителей русско-го анклава в Трёхречье, Харбине [Забияко, Зиненко, Чжан Жуян, 2018], Синьцзяне [Кляус, 2019], представители русской народности округа Хэйхэ сегодня практически утратили русский язык и русский образ жизни. Однако все они по-прежнему отмечают Пасху и помнят о русских корнях [Кляус, Чжао Хайбо, 2019].

Материалом архивной подборки стали публикации в эмигрантской прессе, посвящённые жизни русских в Сахалине, и воспоминания беженцев о жизни в Благовещенске. Собранные в разных источниках материалы (газеты «Заря», «Наш путь», журналы «Рубеж» и «Луч Азии») дают возможность реконструировать неизвестные до сей поры страницы жизни представителей русской общины в Сахалине, пытающихся сохранить русский быт, свою православную веру, с надеждой взирающих на левый берег, где остались родной дом и близкие им люди [Забияко, Бирик, 2016, 296–299]. Особенного внимания заслуживает газета «Наш путь» (7 января 1936 № 5 (768)), где в жанре «святочного рассказа» не только повествуется о чудесном обретении матерью-эмигранткой своего сына-беженца, но и воспроизводятся рождественские традиции конца XIX– начала XX вв. Текст этого рассказа, написанного для ангажированного фашистского издания, в первую очередь, фиксирует характерные особенности синкретической религиозности харбинских фашистов [Забияко, 2016, 233–264; Конталева, 2017, 62–78]. Параллельно автор реконструирует и жанровые формы русского и украинского фольклора, характерные для праздничной календарной обрядности амурских крестьян-переселенцев. К тому времени на советской дальневосточной территории все эти традиции народного православия были давно под запретом.

Несмотря на диктат японских властей, захвативших в 1932 г. власть в Маньчжурии, образовавших марионеточное государство Маньчжоу-го и подверставших под свои интересы деятельность русских эмигрантских объединений (БРЭМ), русские беженцы сохраняли верность родной культуре и её основам. Как видно из публикуемых статей, эмигрантская публицистика до самого окончания II Мировой войны большое внимание уделяла жизни русского анклава в Сахалине, непременно соотнося своё бытие с левым – советским – берегом. Формально следуя указаниям японской администрации, русские эмигранты пытались сохранить и укрепить на правом берегу Амура, в Маньчжурии, те духовные опоры, что были разрушены большевистским режимом на левой стороне, в Благовещенске. Судя по данным публикациям, в Сахалине пристально следили за трагическими событиями уничтожения православных храмов в столице Амурской области. Репортажи об этом отправлялись в центральные газеты г. Харбина. Несмотря на вынужденное подчинение японскому диктату, русские жители Сахалина не только старались сохранить свою этничность, но и воспитать подрастающее поколение в верности русской традиции, русскому языку и русской культуре. Именно такой цели служили публикации, посвящённые истории Благовещенска, праздничным традициям.

К сожалению, оторванность от русского мира в Харбине и изолированность от родных мест приводила русских округа Хэйхэ к ассимиляции в китайско-маньчжурской среде. В 1938 г. эмигрантская пресса констатировала: «Есть целые деревни, где всё женское население состоит из русских. Всего таких русских в пределах Сахалинского прихода живёт до 5000. В массе они сохранили свой язык и религию. Дети от этих смешанных браков почти все крещены и считают себя православными, но постоянное общение с маньчжурами и редкие посещения священнослужителей сильно отражаются на их религиозных воззрениях, которые не отличаются чистотой. Русский язык ими почти позабыт. Сохранить всю эту массу, считая с детьми до 20000 человек, в православии – задача очень трудная» [Новая заря, 1939]. Обеспокоенные проблемой ассимиляции, православные деятели дальневосточного зарубежья заслушали на заседании Харбинского епархиального совета доклад священника Г.Н. Сурикова, посвящённый данной проблеме.

В самом Сахалине, как следует из заметок, к 1944 г. действовало уже 2 православных храма, работала русская школа, в программе которой большое значение уделялось православному воспитанию русских детей и метисов. Православные священники в Китае в суровые годы изгнания стали для своих прихожан надёжными друзьями и настоящими духовными пастырями.

Данные заметки могут быть использованы в качестве религиоведческих, этнографических, литературно-источниковедческих, исторических, фольклорных источников. К сожалению, некоторые тексты, публикуемые в подборке, содержат купюры (архивные материалы в плохой сохранности) – мы надеемся, что этот недостаток не помешает читателям окунуться в мир быта русских эмигрантов в Китае и русской православной культуры на территории маньчжурского Сахалина 20–40-х гг. прошлого века, ставшей для беженцев духовной опорой и поддержкой¹.

Бегут целыми посёлками

Совершенно необычное явление наблюдается на советско-китайской границе. По сведениям, полученным от лиц, только что прибывших в Харбин из Сахалина, на китайскую территорию стали переходить большие группы амурских крестьян. До сего времени отмечалось, что переходили границу одиночки или небольшие партии в 5–10 человек. Сейчас отмечен случай, когда границу, около Сахалина, перешла целая деревня.

Наш собеседник, только что прибывший из Сахалина, сам житель Амурской области, хорошо знакомый с положением в Амурской области, со слов крестьян-беженцев сообщает следующее: «За последнее время советская власть рассылает через отделения ГПУ особые повестки всем работоспособным мужчинам “добровольно” выйти на лесозаготовительные и другие работы. Эти “добровольные” работы вызывают среди крестьян большое возмущение и очень часты случаи, когда крестьяне совершенно отказываются идти на работы.

Однако большевики усматривают в этом противодействие власти, подвергают крестьян арестам и ссылают их на различные принудительные работы.

В результате крестьяне отвечают массовым уходом за границу. Так, перешла границу одна станица, находящаяся недалеко от Благовещенска, и перешла в Сахалин.

Жители этой деревни не строят иллюзий. Они знают, что на чужой стороне жизнь трудна и тяжела, но все беглецы заявляют, что “лучше умирать на чужой стороне от холода и голода, но, по крайней мере, без всякого страха”».

Нужда у новых беженцев большая и все надежды на русских эмигрантов, от которых они ждут хотя бы небольшой помощи в эти тяжёлые для них минуты.

В китайском посёлке Нэхэ (между Сахалином и Цицикаром) остановилась партия русских беженцев в 50 человек. Они двигаются к линии КВЖД.

Русская благотворительная организация в Цицикаре и Сахалине шлёт телеграммы в адрес Беженского Комитета в Харбине с просьбой организовать срочную помощь и возбудить перед властями ходатайство расселить беженцев в каком-нибудь пункте западной линии дороги.

В.Г.
(Заря. Декабрь 1929 г.)

Новые беглецы с Амура

Вчера в Харбине были получены сведения, что на китайской территории вновь появились большие группы беженцев с советской стороны Амура.

В средних числах января в китайский посёлок Тай Уцзянцзы, расположенный на берегу реки ниже Айгуна, пришла группа немецких колонистов численностью свыше 100 человек.

Вслед за ними, 21 января перешли границу и появились в Айгуне две группы русских крестьян по 20 человек каждая.

В настоящее время беженцы хлопочут перед особо уполномоченными министерствами иностранных дел в Сахалине о выдаче свидетельства на право проживания в Китае.

По рассказам беглецов, переход границы сейчас обставлен чрезвычайными трудностями, так как весь район от Благовещенска к востоку по реке Зеи и Амуру тщательно охраняется многочисленными дозорами.

И, тем не менее, бегство крестьян в последнее время усиливается, так как над ними повисла новая угроза.

Всех, заподозренных в неблагонадёжности или не желающих идти в колхозы, насильственно отрывают от семей и отправляют в далёкую лесную глушь на лесозаготовительные работы.

СЛАВА В ВЫШНИХ БОГУ!

Рождественский рассказ

Не так легко написать рождественский рассказ, когда избиты все темы. Всем уже достаточно надоел замерзающий рождественский мальчик, появляющийся в каждом рождественском номере газеты, или его новый вариант – рассказывающий красноармеец. Но приказ редактора должен быть выполнен. С большой от дум головой сидел я в сотрудиической, когда дверь тихонько стала открываться и в прощелину показалась сухая, сморщенная голова маленькой старушки.

– А я к вам. Можно? – раздался слабенький старческий голос.

Я впервые видел эту старушку, но вопрос и обращение меня не удивили, так как такие случаи почти ежедневны. Старушка, войдя в комнату, набожно перекрестилась, сделала троекратный поклон образу св. Владимира – покровителя фашистов², не торопясь сняла пуховый серый платок, положила муфту на стол и, ещё раз перекрестившись, назвалась – уже к моему удивлению, и сказала.

– Удивительный случай со мной приключился. Господь Бог сподобил всё же к концу моей жизни счастье увидеть. Я ведь не так стара – мне всего 52 года. Да жизнь иссушила. Большие висты проклятые [текст обрезан...].

[текст обрезан...] в путь, то начались уже нехорошие слухи из центра получаться, солдаты на дороге шагали, управы с ними не было. И случилось так, что когда Елена Марковна вышла за кипятком на ст. Тыгда, то вышло сразу много народу – не то цыгане, не то евреи – не могла разобрать Козлухина этих черномазых по их языку. Набрав кипяточку, Елена Марковна едва-едва успела заскочить в вагон, как поезд тронулся, и уже на ходу поезда она обнаружила пропажу своего сына.

Да так и не могла его найти, хотя потом и искала всюду. Когда жить стало тяжело, всюду грабежи и убийства начались, полилась русская кровь решили Козлухины убежать за границу. При переходе Амура Пётр Иванович был убит, а Елена Марковна, приехав в Харбин, продолжала искать всюду своего маленького сына Ильёшу. Потеряв надежду найти его в Маньчжурии, она 6 лет провела в СССР, приезжала в Харбин и вновь выехала в Триэссерииу³, имея всё время советский паспорт. Она исколесила весь Дальний Восток, побывала в Хабаровске, Никольск Уссурийске, Иркутске, Забайкалье, была и в центре – Петербурге и Москве, но безрезультатно.

– Эх, Петька, смотрю я на тебя и душа плачет. Я уж туда – сюда. Стар. А вот ты за что мучаешься? [текст обрезан...].

[текст обрезан...] только огрызки жизненные достались.

– Расскажи, дядя Ваня! Ты как то обещал сказать, как раньше люди жили, да тогда красношапник⁴ помешал. А сейчас никого нет. Расскажи.

– Э, сынок! Это не так просто. Легко сказать, расскажи. А с чего начать? Такое доброе время было, что и на год, скажу, хватит. Сытно жилось. Хорошо всем было. Никто нужды не знал. Вот сейчас ты под кнутом работаешь и никуда выехать не можешь, потому что ты кому-то не хорош, наиплохие родители у тебя были. А раньше езжай, куда хочешь. Хоть за границу. Никто не остановит.

– Неужто никто? – недоверчиво протянул Петька.

– А как же? Конечно никто. Так и ходи, куда хочешь. А уж веселье было, особенно зимой, на Рождестве. Какие наряды были! Вспомнишь, так дух захватывает. Перед Рождеством, накануне в Сочельник, весь день до звезды ничего не ели...

– Ну и что же такого, – перебил Петька. – Мы и сейчас ничего не едим.

– Дурной ты такой! Да не ели не потому, что ничего было шамать⁵, а потому что такое поверье было. Выдерживали и не ели, а еды сколько угодно было: и поросятина, и гуси, и мясо, сметана. А только всё надоедает, так вот чтоб вкуснее казалось и не ели. Потому – пост был.

– Вот чудесные, – не мог удержаться парень.

– А как звезда на небе первая показалась, – не обращая внимания на своего молодого друга, продолжал Трифанов, – так перекрестившись и помолившись Богу, садились за стол есть кутью ...

– Из мяса поди? Вкусный?

– Кто, кутья-то? Да она не из мяса, а из фруктов.

– Ишь, и хрусты ели. Подишь ты... – недоверчиво протянул Петька.

– Ну, а потом толпы молодых девушек и парубков [текст обрзан...].

[текст обрзан...] поёт:

Щедрик, ведрык
Дайте вареник.
Грудочку каши.
Кильце колбаски⁶.

– Целое кило колбасы? Ого! – изумился Петька.

– Да не кило. А кильце! Это значит – кружок. Тогда вдоволь было. Смотришь – старушка высовывается из окна и даёт круг колбасы. Но собирала не потому, что нужда был, а потому что так принято было: веселились всю ночь напролёт. А на утро из избы в избу ходили и славили пресвященного Господа Бога, – сказал Трифанов и боязливо оглянулся.

– А как же гепеушники? – также тихо спросил Петька.

– Ни щени! Да тогда этой мрази не было вовсе. Бывало, так запоёт хор «Рождество Твоё Христе Боже Наш», так аж сердце рвётся от радостного чувства, а потом припевок, шутки ради, весёлый:

Хозяин с хозяйшкой,
Открывайте сундучки,
Доставайте пяточки,
Вам на потешки,
Нам – на орешки!

Складно и хорошо выходило. А потом на святках гадали: девушки бросали с ног башмачок и спрашивали имена.

– Вот чудные- то были. Должно быть, в кооперативе много добра было.

– Молчи ты, пострел! Одно из распространённых гаданий – это литьё воска в воду, а потом на тени смотрели, что выходило: ежели похоже на карету, значит уехать далеко [текст обрзан...].

[текст обрзан...]. В какой стороне залает собака, с той и суженого ждать нужно девушке. А уж как нарядит ёлку в игрушки...

– Зачем же её наряжали?

– Такой обычай. Который и сердце освежал. И жизнь становилась лучше и слаще. Начинали песни петь: «В хороводе были мы, были мы, были мы», «Сиди, дрёма», «Как у наших у ворот», «А мы просо сеяли»...

– Неужто так всё было?

– Было милый, а теперь?

– Что вы там раскудахтались, – строго крикнул красноармеец-конвоир. Нечаласы точить. Ты, Петька, нужен нам. Приди, там тебе кое-что есть.

Через несколько минут Петька вернулся из рубленой избы охраны и сообщил, что, так как ему доверяют, то просят трёх хороших молодцев, которые «не супротив власти» куда-то на Ютакан⁷ послать. «Дядя Иван» быстро что-то сообразил и сказал:

– О Рождестве ты как-нибудь сам узнаешь. Я тебе расскажу, а ты вот что Петька. Тебя там любят в охране. Дурачком считают. Так ты назови себя, меня да Дмитрия. Вот и хорошо будет.

Через неделю Иван Трифонов, Дмитрий Беззятко и Петька в сопровождении двух красноармейцев подходили к Ютакану. Снег выпал большой, идти было трудно [текст обрезан...].

[текст обрезан...]. Кровь алая ручьём полилась на пол. Второй красноармеец вскочил, схватился было за винтовку, но поздно: винтовка первого красного слуги была уже в руках у дяди Ивана, и последний одну за другой выпустил все пять зарядов в красноармейца.

Путь к свободе был прорезан мгновенно. В следующий момент с красноармейцев были сняты шинели, катанки и взяты документы.

– А теперь, айда, к Амуру, – проговорил дядя Иван и трое жаждущих жизни устремили свой путь на юго-запад.

Был сочельник. Церковь, единственная на всём протяжении от Зеи до Шилки (по Амуру) опустела и женщин. Она отдалась молитве, для неё не существовало ничего окружающего. Горячую молитву она творила Богу о ниспослании ей её сына Ильи, в жизнь которого она верила.

Только время от времени она повторяла слова священника прошедшей вечерни:

Слава в вышних Богу,
И на земли мир,
В человецех благоволение.
Хвалим Тя,
Благословим Тя,
Кланяемся,
Славословим Тя,
Благодарим Тя
Великия ради славы Твоея.

[текст обрезан...] как верующий человек, решила оказать помощь попавшему в беду и, сняв шинель, приступила к промывке раны. Но едва она взглянула на окровавленную спину красноармейца, как громко вскрикнула и быстро стала приводить в чувства незнакомца. За окном послышались крики «держи» и конные проскакали мимо дома.

А через полчаса перевязанный красноармеец, открыв глаза и придя в себя, был крайне удивлён, что старушка стояла в углу перед теплящейся лампадкой и шептала молитву:

– Благодарю, Тебя, Всевышний, что ниспослал мне сына моего Илью.

И повернувшись к больному, осенила его крестным знаменем со словами:

– Слава в вышних Богу...

– Так это был ваш сын? – не удержался я, чтобы не перебить рассказ старушки.

– Да, он. Помог мне Всевышний. Узнала я его по шраму [текст обрезан...].

«Наш путь», 7 января 1936 № 5 (768)

Шадринский собор был взорван самими большевиками.

Советские власти заранее организовали гулянье.

Православная Святыня разрушилась под звуки фокстротов и огня фейерверка

Сатанинский шабаш вечером 5 мая

САХАЛЯН, 6 июля. (От собств. корр. «Нашего Пути»). 5 июня в Благовещенске коммунистами был взорван Шадринский собор. До самого последнего времени купол с громадным крестом величественного собора был украшением

г. Благовещенска, но большевистский вандализм не мог терпеть красоты Православного храма.

Разборка собора началась ещё 30 мая. Производство этих работ коммунисты объяснили потребностью в кирпиче для школы. Но вполне ясно, что разборка капитального здания стоит гораздо дороже производства нового кирпича, и такое объяснение явилось необходимостью власти объяснить народу свой вандализм и боязнь эксцессов.

По сведениям полученным в Сахалине в собор несколько дней назад большевики доставили бензин и сов <етской> власти приписывали взрывы и пожар злоумышленникам, но если принять во внимание, что первый взрыв произошёл вверх под куполом, то становится несомненным участие самой власти в этом преступлении.

Всего было произведено пять взрывов, которые шли один за другим в течение 15 минут. Сразу же после того как купол упал, из собора вырвался огонь, который уничтожал внутреннюю деревянную отделку храма. Пожар продолжался в течение 6-ти часов, будучи всё время ведён в Сахалине.

Для того, чтобы отвлечь Русское население города от потрясающего зрелища разрушения – святыни коммунистические власти заранее устроили в садах г. Благовещенска гуляние, где всё время когда продолжался пожар играл духовой оркестр.

Православный собор горел под звуки модных американских фокстротов, заглушавшихся звуками других взрывов в саду был устроен фейерверк. Наглые правители, боясь народного гнева, отвлекали народные массы от тягостного зрелища. Но в этом веселье был перерыв, в той части города, где происходило веселье и гремела музыка, погас свет.

Электричество не горело в течение 10 минут и в продолжении этого времени воцарилась полная тишина. После того, как снова появилось электричество, очевидно, чтобы ликвидировать происшедшее замешательство ракеты фейерверка полетели чаще обыкновенного, и музыка загремела ещё яростнее, одновременно играли: и духовный оркестр и электрола⁸.

Вид горящего Православного собора под сатанинский шабаш произвёл самое тягостное впечатление на всех благовещенцев.

– Сам дьявол плясал и радовался временной победе своей над Богом, – говорили благовещенцы на следующее утро.

(«Наш путь». №145. 6 июля 1936 г)

85-летие основания Благовещенска

Группа благовещенцев предполагает 22 мая⁹ отметить в городе Харбиней-сторическую дату – 85-летие со дня основания города Благовещенска. В связи с этим мы даём место статье быв <шего> городского головы города Благовещенска, д-ра И.Д. Прищепенко, посвящённой этой знаменательной дате.

ПАМЯТНИКИ ПРОШЛОГО.

Статья И.Д. Прищепенко.

В сравнительно молодой окраине мы, конечно, не найдём памятников древности, поросших быльём развалин. Но всё же кое-что сохранилось из безмолвных свидетелей воспоминаемых ныне событий.

Прежде всего, мы должны указать на чтимую всем православным населением Приамурья икону Божьей Матери, которая именовалась Албазинской. В 1685-ом году она находилась в городе Албазине во время его геройской защиты. По разрушению Албазина, икона была вынесена оставшимися в живых его защитниками, в Забайкалье 12 мая 1854 года. Перед этой древней иконой был отслужен молебен перед отправлением на Амур первой экспедиции или, как говорили тогда, первого сплава. В последующее время, вплоть до крушения старой России, эта икона находилась в Благовещенском Кафедральном соборе, закладка которого была произведена в день основания города Благовещенска, 22 мая 1858 года, высокопреосвященным Иннокентием.

В первые годы большевизма собор был сожжён, но икона была спасена, дальнейшая же судьба её неизвестна.

Вторым свидетелем прошлого является деревянный Никольский храм, первый храм на Амуре, видевший в своих стенах высокопреосвященнейшего Иннокентия, графа Н.Н. Муравьёва-Амурского и его сподвижников. Он уцелел до настоящего времени, но по имеющимся сведениям, превращён в склад фуража воинской части.

На берегу Амура, на границе земель города Благовещенска и Верхне-Благовещенской станицы, с самых первых времена присоединения Амурского края, находился памятник в виде белой пирамиды, высотой около трёх сажен, с чугунной доской, на которой имелась надпись: «Место первого поста на Амуре». Здесь был основан полковником Н.В. Буссе¹⁰ в 1854 году Зейский пост. Памятник этот сохранился и реставрировался заботами Благовещенского Городского управления. В последние годы перед революцией вокруг него был разбит парк. Памятник этот именовался «Монументом». Сохранился ли он?

Самый план города Благовещенска вызывает воспоминание о первом строителе города и первом губернаторе Амурской области Н.В. Буссе. План этот можно сравнить с шахматной доской. Это план ультра-современных городов. В своё время он считался наилучшим.

Все благовещенцы должны помнить Амурский бульвар, расположенный на берегу Амура против бывшего губернаторского дома. Мы думаем, что с ним у каждого из благовещенцев связаны воспоминания о весенних амурских ледоходах, когда бульвар был особенно хорош. Это тоже создание первых строителей города, но, к сожалению, часть бульвара была смыта наводнением.

Память первых строителей сохранилась и в названиях улиц: Графская, Муравьевская, Буссевская, Невельская. Уцелели ли они? **[нет продолжения текста]**
(«Луч Азии», приблизительно 20 мая 1941 г.)

День русской скорби в Сахалине. *От собственного корреспондента «Зари»*

САХАЛЯН. (Соб. кор. «Зари»). 7 ноября в день 24-ой годовщины кровавой октябрьской революции в помещении отделения Бюро в Сахалине было проведено большое траурное собрание посвящённое [нераз.].

[нераз.] отделения Бюро [нераз.] флагами, [нераз.] и траурными лентами и переполнено собравшимися русскими людьми.

В 7 ч. веч<ера>настоятелем Св.-Николаевского храма о. Н. Стариковым была отслужена панихида по убиенным Государе Императоре Николае Александровиче и Его Августейшей Семье, и всем мученикам, живот свой положившим во времена смуты на Веру, Царя и Отечества.

После панихиды о. Н. Стариков обратился к собравшимся с прочувствованным словом, в котором призвал всех русских людей сплотиться и просить Бога вернуть нам дорогую родину.

После панихиды открылось траурное заседание.

Собрание открыл нач. отделения Бюро, который сделал обширный и содержательный доклад – «Итоги 24 лет», затем выступали ещё несколько докладчиков, сделавших доклады на тему дня.

После собрания была проведена программа, также выдержанная в духе непримиримости и скорби.

Была поставлена «живая картина» «В единстве сила» под аккомпанемент мощного хора солистов, был исполнен похоронный марш «Спите орлы боевые». Затем выступал мощный объединённый хор, который исполнил ряд произведений посвящённых борцам за Россию.

Выступал струнный оркестр и несколько солистов и солисток. Учащиеся школы декламировали стихи на тему дня.

В заключение была поставлена «живая картина» «На поле брани» под аккомпанемент хора и оркестра, которая произвела большое впечатление на собравшихся.

На этом собрание было закончено.

Российская эмиграция Сахалина выявила полное единение и непримиримое отношение к коммунизму.

САХАЛЯН. (Соб.кор. «Зари»). В Сахалине недавно приступлено к работам по постройке храма, воздвигаемого на берегу Амура

Сахалинцы тепло встретили это прекрасное начинание и неутомимо работают и воздвигают прекрасную церковь, которая будет служить памятью всем погибшим на Амуре жертвам большевизма.

Кипит работа, уже над крышей возводятся остовы куполов и возвышается недостроенная колокольня.

Внутренность храма так же уже закончена, наполовину настил новый пол, делается амвон и клиросы, работают хорошие мастера по отделке храма.

Много энергии и труда проявляют церковно-приходской совет, Строительный комитет, настоятель храма и все жители Сахалина.

Жители Сахалина, находящегося напротив гор. Благовещенска, видели, как ещё недавно на том берегу был снесён величественный Шадринский собор и на их глазах была уничтожена военная Св.- Николаевская церковь, теперь они с удвоенной энергией работают по воздвижению этого храма, который будет служить не только для эмиграции Сахалина, но и [нераз.] русский люд, сможет перекреститься на храм Христов, который будет величественно стоять на крутом берегу Амура.

Доброе и великое дело сооружение церкви на берегу Амура было начато ещё в начале осени и теперь, вероятно, не займёт больше месяца.

Предполагается закончить все работы по постройке храма к началу декабря и 9 декабря в день Святителя Иннокентия Иркутского освятить его.

Российская эмиграция с нетерпением ждёт освящения этого храма, т.к. он будет служить не только для эмиграции, но и для русского народа по ту сторону «чертополоха».

С наступлением работ по перестройке храма, начальник Ниппонской военной миссии в Сахалине, подполковник Такебэ, выразил желание внести крупное пожертвование на это дело.

Сумма эта в настоящее время для достройки церкви является огромной поддержкой, и поэтому все работы будут завершены без задержек.

Все российская эмиграция Сахалина, отделение Бюро, Церковно-приходской совет и Строительный комитет горячо благодарят подполковника Такебэ за его щедрый дар.

Необходимо отметить, что начальник Военной миссии всегда относится с большим вниманием ко всем нуждам эмиграции и пользуется исключительной популярностью среди эмигрантов.

Помощь оказанная начальником Ниппонской военной миссии в Сахалине подпол. Такебэ в постройке храма, запечатлел добродетельное и внимательное отношение властей к российской эмиграции.

То же нужно сказать и о советнике местного Бюро, также оказывающим содействие эмиграции в этом деле.

(«Заря». 26 ноября 1941 г. С. 4.)

Русская школа в Сахалине

От собственного корреспондента «Рубежа»

В минувшем году отметила десятилетие своего существования русская народная и повышенная школа в городе Хэйхэ (Сахалине).

Она была создана в 1933 году при сахалинском храме, причём заведующим и преподавателем в ней был протоирей о. В. Светлов.

В 1933 году школа перешла в ведение Беженского комитета, на квартире председателя которого П.А. Карпова и проходили занятия.

С 1 августа 1935 года школа перешла в собственное помещение и преподавательницей была приглашена А.Н. Квасова, вложившая немало труда в дело

образования маленьких сахалинцев, и, наконец, в 1936 г. школа была передана в ведение сахалинского отделения Бюро эмигрантов¹¹.

В декабре минувшего года состоялся пятый выпуск абитуриентов, успешно окончивших повышенную школу: г. Деревянниковой, г. Чешкиной и В. Таланова, поступившего в харбинский русский техникум. Народную школу закончили и перешли в повышенную 8 учеников.

В настоящее время в школе обучается 40 человек (16 мальчиков и 24 девочки). Директором её является н-к отделения Бюро полковник генерального штаба М.Е. Остроумов, прибывший в Сахалин в августе 1941 года и с тех пор уделяющий много внимания и заботы.

Душой школы является старший преподаватель П.Н. Глубоков. В течение 6 лет своей педагогической деятельности он проделал огромную работу, стараясь дать своим воспитанникам как можно больше полезных навыков, диктуемых переживаемым нами ответственным временем. Он же является заведующим кружком ниппонского языка и преподавателем государственного языка.

Законоучителем состоит священник о. И. Новокрещенов, а преподавателем пения П.Т. Катрич, являющийся одновременно регентом церковного и общественного хоров.

Среди его бывших учеников имеется немало талантливых певиц и певцов, всецело обязанных ему развитием своих талантов. К числу таких нужно, в первую очередь, причислить Е. Закитную и Г. Деревянникову.

Имеется в школе и струнный оркестр, которым руководит П.Н. Глубоков.

Благодаря заботам властей, опытному штату преподавателей и серьёзной постановке дела, школа выпустила в жизнь полезных, трудолюбивых, дисциплинированных девушек и юношей и может по праву гордиться своей деятельностью.

Сахалинец

(Рубеж. 1944. № 10. С. 19)

Благодарность

Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 20-012-00318

Acknowledgement

The research is supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-012-00318

Список сокращений

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук

РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований

Библиографический список

1. 5000 русских жён маньчжурских крестьян // Новая заря. – 1939.
2. Голос Востока. – 1907.
3. Забияко, А.П. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности: монография / А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – 350 с.
4. Забияко, А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина: монография / А.А. Забияко. – Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2016. – 437 с.
5. Забияко, А.А. Встреча двух этносов на границе: Благовещенск–Хэйхэ 100 лет назад (из архивных материалов) / А.А. Забияко, Е.Е. Бирик // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 11: Исторический опыт взаимодействия культур. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2016. – С. 296–299.
6. Забияко, А.А. Беседы с русской харбинкой: Любовь Николаевна Ли / А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуан // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12: Русская эмиграция в Китае: опыт исхода. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2018. – С. 212–229.
7. История Благовещенска. – Благовещенск: ОАО «Амурская ярмарка», 2009. – С. 371.
8. Кляус, В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры / В.Л. Кляус. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – 416 с.

9. Кляус, В.Л. Об Ивашке: сказка о пешехонцах на китайском языке / В.Л. Кляус, Чжао Хай-бо // Традиционная культура. – 2019. – Т. 20. – № 4. – С. 108–119.
10. Конталева, Е.А. Религиозный синкретизм в интерпретации российских и зарубежных исследователей / Е.А. Конталева // Религиоведение. – 2017. – № 4. – С. 62–78.
11. Коваленко, Е.В. Коллективизация в Приамурье [Электронный ресурс] / Е.В. Коваленко. – URL: http://геоамур.рф/sources/nat_econ/agriculture/agriculture-x=23.php (дата обращения 5.08.2020).
12. Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 142. Оп. 1 [до 1918]. Д. 68. Л. 10.
13. Сирина, А.А. Маньчжурская экспедиция С.М. и Е.Н. Широкогоровых (1915–1917 гг.) / А.А. Сирина // Этнография. – 2018. – № 1. – С. 64–85.
14. Хисамутдинов, А.А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии / А.А. Хисамутдинов. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2002. – 240 с.

Текст поступил в редакцию 13.05.2020.

Принят к публикации 10.08.2020.

Опубликован 08.10.2020.

¹ Статьи публикуются с учётом современных норм орфографии и пунктуации.

² Св. Владимир – святой равноапостольный великий князь Владимир.

³ *Триэссерия* – пренебрежительное именование СССР.

⁴ Красноармеец.

⁵ *Шамать* – простореч. «есть».

⁶ *Щедровка* – обрядовая рождественская песня.

⁷ *Юктакан* – правый приток реки Унаха бассейна реки Брянта системы реки Зея в Зейском районе. Название с эвенкийского «юктэ, юкто, иуктэ» – источник, ручей, родник, полинья. Стоит также отметить, что слово «юктэкан» можно перевести как тёплый ручёк (-кан – уменьш. суффикс).

⁸ *Электрала* – патефон немецкой фирмы «Электрала».

⁹ Сегодня основание Благовещенска определяется датой 21 мая (6 июня) 1856 г., когда на данной территории был основан Усть-Зейский пост.

¹⁰ Николай Васильевич (Вильгельмович) Буссе (1828–1866) – русский военный и государственный деятель, генерал-майор (1859), первый начальник Сахалина (1853–1854), первый военный губернатор Амурской области (1858–1866). Кавалер орденов: Св. Владимира 3-й и 4-й ст.; Св. Анны 1-й и 2-й ст. с короной; Св. Станислава 1-й и 2-й ст.

¹¹ БРЭМ (Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии) [Хисамутдинов, 2002, 38–42].

References

1. *Novaya zarya* [New dawn]. 1939 (in Russian).
2. *Golos Vostoka* [Voice of the East]. 1907 (in Russian).
3. Zabiyaiko A.P. *Russkie Trekhrechy'a: osnovy etnicheskoy samobytnosti* [Tryokhrechy Russians: Foundations of Ethnic Identity]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2017, 350 p. (in Russian).
4. Zabiyaiko A.A. *Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literature russkogo Harbina* [Mentality of the Far Eastern Frontier: Culture and Literature of Harbin Russians]. Novosibirsk: Izd-vo Sibirskogo otdeleniya RAN, 2016, 437 p. (in Russian).
5. Zabiyaiko A.A., Bibik E.E. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh* [Russia and China at the Far Eastern Borders]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2016, vol. 11, pp. 296–299 (in Russian).
6. Zabiyaiko A.A., Zinenko Ya.V., Zhang Ruyang. *Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh* [Russia and China at the Far Eastern Borders]. Blagoveshchensk: Amurskiy gos. un-t, 2018, vol. 12, pp. 212–229 (in Russian).
7. *Istoriya Blagoveshchenska* [History of Blagoveshchensk]. Blagoveshchensk: OAO “Amurskaya yarmarka”, 2009. 371 p. (in Russian).
8. Klyaus V.L. “*Russkoe Trekhreche*” *Man'chzhurii: Ocherki fol'klora i traditsionnoy kul'tury* [“Russian Tryokhrechy” of Manchuria: Essays on Folklore and Traditional Culture]. Moscow: IMLI RAN, 2015, 416 p. (in Russian).
9. Klyaus V.L., Zhao Haibo. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. Moscow, 2019, vol. 20, no. 4, pp. 108–119 (in Russian).
10. Kontaleva E.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2017, no. 4, pp. 62–78 (in Russian).
11. Kovalenko E.V. *Kollektivizatsiya v Priamur'e* [Collectivization in the Amur Region.]. Available at: http://геоамур.рф/sources/nat_econ/agriculture/agriculture-x=23.php. (accessed on August 5, 2020) (in Russian).
12. *Sankt-Peterburgskiy filial arkhiva Rossiyskoy akademii nauk* [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences]. Fund 1. Inventory 1. File 68. Fol. 10 (in Russian).
13. Sirina A.A. *Etnografiya* [Ethnography]. Moscow, 2018, no. 1, pp. 64–85 (in Russian).
14. Khisamutdinov A.A. *Rossiyskaya emigratsiya v Kitae: Opyty i iklopedit* [Russian Emigration in China: The Experience of Encyclopedia]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo universiteta, 2002, 240 p. (in Russian).

Submitted for publication: May 13, 2020.

Accepted for publication: August 10, 2020.

Published: October 8, 2020.